

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

**Левин
Сергей Михайлович**

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ МОРАЛЬНЫХ
СИСТЕМ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Липский Б. И.

Санкт-Петербург

2014

Работа выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете

Научный руководитель:

Липский Борис Иванович,
доктор философских наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Официальные оппоненты:

Сергейчик Елена Михайловна,
доктор философских наук, профессор
(Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования).

Гаспаров Игорь Гарибович,
кандидат философских наук,
(Воронежская государственная медицинская академия
имени Н.Н. Бурденко)

Ведущая организация:

**Санкт-Петербургский государственный
технологический институт (технический университет)**

Защита состоится «__» _____ 2014 г. в _____ на заседании Диссертационного Совета Д 212.232.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В. О., Менделеевская линия, д. 5, институт философии, аудитория ____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9).

Автореферат разослан «__» _____ 2014 года

Ученый секретарь
диссертационного совета –
к. ф. н., ст. преподаватель

И. И. Мавринский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

Актуальность темы исследования диссертационной работы «Метафизические основания локальных моральных систем» обусловлена неопределенностью познавательной и дидактической ролей моральной философии перед лицом развития когнитивных наук, нацеленных на объяснение всей совокупности человеческих действий в терминах нейрофизиологии, в том числе и тех действий, которые подлежат этической оценке. При всей разнородности генезиса моральной философии и когнитивных наук, их сосуществование в современном мире ставит перед исследователем морали вопросы онтологического и эпистемологического характера.

Моральная философия сталкивается со «сциентистским вызовом» постольку, поскольку когнитивные науки предполагают построение целостной теории сознания, которая должна будет включить в себя все аспекты нашей мыслительной деятельности, в том числе и «морального сознания», т.е. совокупности осознанных и неосознанных операций, которые совершают люди при решении конкретных моральных вопросов. Конечно, попытки как-то совместить этику с научным знанием предпринимались довольно давно, достаточно вспомнить эволюционную этику Герберта Спенсера¹. Однако, если раньше это были преимущественно спекулятивные или дескриптивные мероприятия, то сегодня некоторые учёные прямо ставят этические вопросы в рамках своих экспериментальных и статистических исследований по психологии, биологии и нейрофизиологии. Когнитивный подход к изучению сознания радикально переформулировал традиционную этическую проблематику и способствовал появлению в начале XXI века новой дисциплины – нейроэтики. Теперь моральные парадоксы стали предметом не только концептуального

¹ См. Спенсер Г. Научные основания нравственности. Индукции этики. Этика индивидуальной жизни. М.: ЛКМ. 2011., Спенсер Г. Научные основания нравственности. Данные науки о нравственности. М.: ЛКМ. 2013.

анализа, но и конкретного эмпирического исследования. Например, в работах Патрисии Чёрчленд прослеживается связь между эволюцией социальных отделов мозга млекопитающих и параллельной трансформацией социоморальных практик, в которые эти млекопитающие были вовлечены². Нейрофизиолог Сэм Харрис в своих трудах обращает особое внимание на нейрофизиологические процессы, благодаря которым различные религиозные моральные системы изменяют у людей восприятие добра и зла³. Большой академический интерес к нейроэтике привел не только к взрывному росту публикаций на эту тему, но и к созданию специализированного журнала «Neuroethics», в редакционную коллегию которого вошли как нейрофизиологи (Стивен Роуз), так и философы сознания (Оуэн Флэнаган). Нейроэтика стала неотъемлемой частью когнитивных наук. При этом среди самих нейроэтиков нет единства относительно того, как их работа должна соотноситься с классическими вопросами моральной философии⁴. А этик Б. Герт, анализируя труды по нейроэтике, в том числе упоминавшиеся работы С. Харриса и П. Чёрчленд, обращает внимание на то, что теории морали в этих работах радикально отличаются друг от друга, из чего он делает вывод о том, что нейроэтике нечего добавить к нашему пониманию морали⁵. Тем не менее, возражения подобного рода апеллируют к возможно случайным разногласиям в сравнительно молодой дисциплине и ничего не говорят о её принципиальной неприменимости для деконструкции наших этических теорий. Необходимо признать, что изыскания нейроэтиков как натуралистический, эмпирический проект выглядят, по меньшей мере, релевантными как для оснований метаэтики, так и для практических задач прикладной этики. И такая теоретическая близость

² Churchland P. *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*. Princeton: Princeton University Press. 2011

³ Harris, S. *The moral landscape: how science can determine human values*. New York: Free Press. 2010.

⁴ Чтобы лучше понимать степень несогласия полезно сравнить позиции авторов в следующих работах: Pizarro D. *Why Neuroscience Does Not Pose a Threat to Moral Responsibility // Neuroscience*. 2011. No. 2; Gerrans P., Kennett J. *Neurosentimentalism and Moral Agency // Mind*, Vol. 119, No.475.

⁵ Gert B. *Neuroscience and Morality // Hastings Center Report*. 2012. No. 42. P. 27.

потенциально может поставить или уже поставила моральную философию в крайне невыгодное академическое положение.

Может показаться, что философия сталкивается с дилеммой – либо признать, что естественнонаучный подход заменяет собой все виды метафизики в содержательных рассуждениях о добре и зле, так как открытия, объясняющие устройство нашего мозга, полостью описывают то, как субъект осуществляет этический выбор. Либо моральная философия может защищать свои дисциплинарные границы при помощи превратно понятого принципа (гильотины) Юма⁶, утверждая, что предмет аксиологии не находится в эпистемологических или онтологических границах мира. Первый вариант отказывает моральной философии в наличии у неё познавательных функций, а второй заставляет утверждать, что предмет её исследования обнаруживается в регионе бытия, недоступном для естественнонаучного познания, или даже, что причины моральной нормативности не находятся в пределах физической реальности. Иными словами познавательная значимость моральной философии оказывается в зависимости от определения онтологического статуса моральных норм и механизмов их имплементации. Сама по себе такая постановка вопроса легитимирует традиционные метафизические исследования относительно морали и делает условием снятия указанной дилеммы описание онтологии всех значимых аспектов нашей моральной практики. Таким образом, можно констатировать актуализацию теоретико-философского анализа онтологических оснований морали.

Степень научной разработанности проблемы. В современной англоязычной аналитической литературе количество работ по теме диссертации очень велико. Среди наиболее тематически близких исследований можно выделить работы Дж. Сёрла, С. Харриса, В. Кейсбира, Р. Дворкина, Г. Гауса, Ф. Джексона⁷. При всём разнообразии подходов ни один из перечисленных авторов в

⁶ Принципа, провозглашающего логическую невыводимость должного из сущего.

⁷ Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization, Oxford: Oxford University Press. 2010.; Harris, S. The moral landscape: how science can determine human values. New York:

своих работах не демонстрирует связи между ключевыми элементами морали и своими метафизическими представлениям. В книгах С. Харриса и Г. Гауса довольно подробно прописываются разнообразные механизмы имплементации морали, но недостаточно сказано про те метафизические предпосылки, из которых исходят авторы. В работе Ф. Джексона, напротив, детально прописываются метафизические основания морали, но отсутствует социальная составляющая их реализации. Работы В. Кейсбира и Р. Дворкина подробно описывают связь между метафизическими вопросами и некоторыми аспектами моральной практики, однако, они, как нам представляется, произвольно абсолютизируют тот или иной аспект и отрицают или игнорируют важность других аспектов. К примеру, В. Кейсбир приходит к выводу о том, что язык или членство в сообществе не являются необходимыми элементами конституирования полноценного морального агента, для которого оказывается достаточно когнитивной способности субъекта к моделированию ситуаций⁸.

Наиболее всесторонним подходом можно признать теоретический проект социальной онтологии Дж. Сёрла. Взгляды этого автора на природу общественных институтов логично следуют из его метафизических представлений о реальности, сознании, свободе воли, субъективности, рациональности и языке. Однако Сёрл выводит свои представления об этике, не учитывая свою же собственную теорию социальной реальности, что приводит к тому, что игнорируются все социальные аспекты морали. В третьей главе диссертации ставится вопрос о том, как онтология моральной нормативности и способы реализации морали в локальных сообществах могут быть инкорпорированы в философию Сёрла без её сколько-нибудь существенной модификации.

Free Press. 2010.; 1. Casebeer W. *Natural Ethical Facts*. Cambridge, Massachusetts. London: The MIT Press, 2003.; Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011.; Gaus G. *The Order of Public Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.; Jackson F. *From Metaphysics to Ethics: A Defence of Conceptual Analysis*. Oxford: Clarendon Press. 1998.

⁸ Casebeer W. *Op cit.* P. 98.

Обзор иностранной научной литературы по теме диссертационного исследования позволяет констатировать наличие в последние годы обилия исследовательского внимания к построению целостной дескриптивной метаэтической картины. В России же интерес к данной теме пока не столь распространен, и авторов, занимающихся её разработкой, чрезвычайно мало. В отечественной литературе можно выделить два типа работ, связанных с проблематикой диссертации. Во-первых, работы непосредственно решающие задачи, схожие с теми, которые ставит перед собой автор данного диссертационного исследования. Во-вторых, такие работы, которые, не будучи посвящены собственно метаэтике, способствовали выработке методологии данного исследования. К таким работам относятся те, что описывают историю аналитической философии, традицию, на которую автор диссертации преимущественно ориентировался. А также работы, затрагивающие концептуальные аспекты, которые автор посчитал ключевыми при разрешении поставленных в диссертации исследовательских целей и задач.

Первый тип работ, в которых ставятся цели и задачи созвучные главной теме диссертационного исследования – описать метафизику, лежащую в основе функционирования морали различных сообществ (локальных моральных систем). Наиболее тематически близкой можно назвать монографию «Феноменология intersубъективности» Я. А. Слинина⁹. Применяя феноменологический метод, Я.А. Слинин показал, почему любые этические установления зависят в своем существовании не только от субъекта исполнения норм, но и от наличия intersубъективного сообщества тех, относительно кого эти установления должны применяться. В своем исследовании Я.А. Слинин опирается на оригинальную интерпретацию феноменологического метода Э. Гуссерля, предложенную им в монографии «Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование»¹⁰. Раскрытие имманентных феноменологических механизмов

⁹ Слинин Я.А. Феноменология intersубъективности. СПб.: Наука, 2004.

¹⁰ Слинин Я.А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001.

конституирования субъекта даёт возможность последовательно обращаться к усматриваемым рефлексией, чувственной или интеллектуальной интуициями аподиктически достоверным истинам intersубъективного взаимодействия. В нашем диссертационном исследовании мы также обсудим различные этические аспекты субъективности (вторая глава), а затем рассмотрим то, как моральные нормы существуют на intersубъективном уровне (третья глава), отличие от работ Слиннин Я.А. здесь в том, что диссертационное исследование опирает преимущественно на аналитическую, а не феноменологическую традицию.

Одним из корректных способов определения тематической принадлежности диссертационного исследования является отнесение его к разряду метаэтических. Поэтому ещё один автор, работы которого непосредственно ставят себе цели и задачи, сходные с представленной диссертацией – это отечественный метаэтик Л. В. Максимов. В своих исследованиях он постоянно поднимает вопросы соотношения онтологических и логических аспектов в этике, в частности, он первым в отечественной философии предложил систематические исследования современных подходов к проблеме соотношения «сущего» и «должного», а также правомочности абсолютизации того или иного основания морали¹¹.

Вторым типом работ отечественных авторов можно назвать такие, которые не ставят перед собой цели, заявленные в данной диссертации, но при этом исследуют историю и методологию аналитической философии или представляют оригинальный, систематический обзор одной из центральных философских проблем нашего исследования – проблем свободы воли, субъективности и онтологии моральной нормативности. Из работ посвященных анализу сущности и истории аналитической философии, которые сыграли важную роль при

¹¹ Максимов Л.В. Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты. М.: Филос. об-во СССР, 1991.; Максимов Л.В., Кузнецова Г.В. Природа моральных абсолютов. М.: Наследие, 1996.; Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10.; Максимов Л.В. К проблеме определения морали // Этическая мысль. 2002. №3.; Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003.; Максимов Л.В. Высшие ценности и мораль // Апресян Р.Г. Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика РАН А.А.Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009.; Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. Вып. 12. М., 2012.

формировании целей и задач исследования необходимо отметить труды Никоненко С.В., Лебедева М.В., Макеевой Л.Б.¹² Среди отечественных философов, анализирующих свободу воли, можно выделить Секацкую М.А. и Юлину Н.С.¹³ По проблеме субъективности и тождества личности стоит упомянуть Винника Д.В., Гаспарова И. Г., Данько С. В., Никифорова А.Л., Чирву Д.В.¹⁴ И, наконец, по теме онтологии регулятивов общества, способов их имплементации наибольшее значения для диссертационного исследования имели работы Аперсяна Р.Г., Левина Г..Д., Поспеловой О.В., Разина А.В., Шмерлиной И.А.¹⁵

Цель и задачи исследования. Основная цель данного диссертационного исследования заключается в том, чтобы выявить необходимые метафизические вопросы, встающие при целостном описании любой моральной практики и предложить свои ответы на эти вопросы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

¹² Никоненко С.В. Аналитическая философия основные концепции. СПб: Издательство СПбГУ, 2007.; Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М., "Праксис", 2001.; Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., "УРСС", 1998; 2-е изд. - 2008.; Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011.

¹³ Юлина Н.С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006.; Юлина Н.С. Философский натурализм: О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует». Канон +, М., 2007.; 159. Секацкая М.А. Физический детерминизм и свобода воли: картезианское решение // Философские науки. 2010. №10.; Секацкая М.А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопросы философии. 2012. №2.; Секацкая М.А. Res cogitata и Res extensa: проблема свободы. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013.

¹⁴ Винник Д.В. Метафизические основания и эмпирические критерии тождества личности // Философия науки. № 2(33), 2007.; Гаспаров И. Парфит и нигилизм относительно тождества личности // Analytica. № 1. 2007.; Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. № 2. 2012.; Чирва Д.В. Одинокое животное. Биологический подход к тождеству личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. № 4. 2012.; Данько С.В. Смысл жизни и философское «Я» в ракурсе исследований Л. Витгенштейна // Vox. Философский журнал, 2012. Т. 001. № 13.

¹⁵ Разин А.В. Способы обоснования морали // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1999. Т. 3. № 1.; Аперсян Р.Г. Понятие общественной морали // Вопросы философии 2006, № 5.; Левин Г..Д. Дескриптивное и прескриптивное знание как предмет эпистемологии // Знание как предмет эпистемологии. М., 2011.; Поспелова О.В. Политическое действие и проблема свободной воли практической философии Дж. Серля // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки.- 2011.- № 23.; Шмерлина И.А. «Натуралистический подход» Дж. Серля к проблеме институциональной реальности // Социологический журнал.- 2005.- № 2. URL: <http://www.socjournal.ru/article/604> (дата обращения: 20.07.2011).

1. Определить согласующуюся с натуралистической методологией теоретическую версию онтологического статуса морали. Исследование онтологии морали подразумевает разрешение вопроса о том, как мораль соотносится с другими родами сущего.
2. Проанализировать связь между абсолютизацией того или иного источника этической нормативности и решением вопроса об онтологии морали.
3. Выявить базовые единицы моральных систем и механизмы их функционирования и взаимодействия. Предложить способы концептуализации моральной практики в качестве системы регуляции жизни всякого локального сообщества.

Научная новизна исследования определяется поставленными в ней целью и задачами и заключается в следующем:

1. Установлено, что все метаэтические и этические теории можно разделить на основании того, эксплицитно или же имплицитно решается в них вопрос о соотношении морали и реальности. Теоретическую позицию, согласно которой мораль – это одна из частей реальности, диссертант предложил называть метафизическим моральным инклюзивизмом. Позицию, согласно которой сфера морального или любой из её аспектов не могут быть представлены в ряду сущего, диссертант предложил именовать метафизическим моральным эксклюзивизмом.
2. Разработан теоретический инструментарий позволяющий описывать моральные явления как комплексные. Для этого введен термин «локальная моральная система» обозначающий какое-либо сообщество, членов этого сообщества, их общественную практику, декларируемые ими моральные нормы, и наконец, те нормы, которыми они реально руководствуются, а также соотношение этих норм с нормами большего сообщества, если таковое имеется.
3. Впервые в отечественной философской литературе проанализированы случаи «заблудшей причинности», и показано, почему такие случаи не

представляют трудности для определения степени ответственности морального субъекта в рамках физикалистской картины мира.

Теоретическая и практическая значимость работы. В теоретическом измерении выявление онтологических оснований локальных моральных систем позволит определить положение морали в структурах бытия и мышления, целостное представление о которых невозможно без включения всех существенных элементов человеческой жизни.

Показано, что провал попыток создать универсальную мораль порождает насущную потребность в фундаментальном концептуальном переосмыслении природы вариативности моральных норм, которое не сводилось бы к бесплодной констатации плюрализма ценностных ориентаций.

Сформулированные в ходе исследования положения, выводы и результаты могут быть использованы в историко-философских исследованиях современной метаэтики, теорий свободы воли, тождества личности и социальной реальности. Материал диссертации полезен для разработки общих лекционных курсов по англоязычной философии, спецкурсов по истории аналитической философии XX века и ее частных проблем. Он также может быть использован при составлении учебных пособий. Отдельные положения проделанного исследования полезны для составления курсов по метаэтике, социальной философии и философии сознания.

Методология и методы исследования. Ведущим принципом методологическим принципом диссертационного исследования выступает натурализм. В диссертации не ставится задача обосновать справедливость или истинность натурализма, он принимается как исходный принцип исследования, – в работе отождествляется природа и сущее. Природа – это предмет изучения естественнонаучных дисциплин самой общей, из которых является физика. Это приводит к тому, что из принципа натурализма большинством «философов-натуралистов» сегодня выводится физикалистская онтология¹⁶. Согласно физикализму «все в мире имеет физический характер, или в нем нет ничего сверх

¹⁶ Inwagen P. What is naturalism? What is analytical philosophy? // Corradini A., et al., *Analytic Philosophy Without Naturalism*. London: Routledge, 2006. P. 78.

физического, или физические факты в известном смысле исчерпывают все факты относительно этого мира»¹⁷. А физическое в свою очередь определяется как то, что может быть описано наилучшей физикой настоящего или идеальной физикой будущего¹⁸.

Отталкиваясь от натуралистических предпосылок, диссертационное исследование ведется согласно методологическими принципами аналитической метафизики с её акцентом на выявление онтологически нагруженных языковых категорий. Предмет аналитической метафизики совпадает с онтологией – изучением бытия как такового, и между бытием и сущим аналитическими философами, как правило, не проводится принципиальное различие¹⁹. Поэтому проблема метафизических оснований морали принимает форму вопроса о том, какую онтологическую нагрузку несут языковые категории, применяемые для описания сферы морального. Прилагательное моральный в диссертационном исследовании не будет пониматься как синоним слов «добрый» или «правильный», оно будет лишь указывать на то, что некое действие может быть оценено с точки зрения некоторой моральной нормы, но оно не означает какой-либо оценки справедливости самой нормы. Слова нравственность и мораль используются как синонимы. В первой главе подробно объясняются причины такой трактовки понятий морали и нравственности.

Достижение поставленных задач осуществлялось на основе использования комбинации методов логической реконструкции и историко-философского исследования. Для выявления основных идей привлекаемых авторов в диссертации активно применялись традиционные методические подходы гуманитарной науки. Текстологический анализ и контекстуальный разбор сочинений современных аналитических философов и других философских источников проведен с учётом теорий понимания, разработанных в рамках философской герменевтики. Одним из важных приемов является

¹⁷ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М: УРСС. 2013. С. 65.

¹⁸ Wilson J. On Characterizing the Physical // *Philosophical Studies*. 2006. No. 131.

¹⁹ Макеева Л. Б. Ук. соч. С. 4-5, 10.

компаративистский подход, позволяющий открывать наиболее значимые элементы интерпретации изучаемой проблемы внутри конкретного направления посредством соотнесения различных метафизических и метаэтических учений. Существенную роль в анализе теорий моральной философии сыграло сравнение перформативного и асертативного содержания высказываний философов, так как действительные метафизические импликации теоретиков морали зачастую ускользают за завесами этических манифестов авторов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Моральные нормы – это один из элементов социальной реальности, они существуют в качестве деклараций статусных функций – базовых строительных блоков любых явлений общественной жизни. При изучении моральных норм локальных сообществ могут применяться те же объяснительные стратегии, что и при изучении всей остальной социальной реальности.
2. Последовательный метафизический моральный инклюзивизм допустим, только если теория описывает существование и взаимодействие элементов, аспектов, источников морали и разных по своему содержанию нравственных регулятивов как онтологически рядоположенных. Подобная уравнивательная метафизика нравственности становится возможна в рамках предложенной концепции локальных моральных систем, объясняющей содержательную вариативность нравственных норм разных сообществ.
3. Личность как исполнитель моральных норм (моральный субъект) не тождественна ни одному материальному или ментальному объекту. Популярны сегодня теории тождества личности не справляются с моральными парадоксами, вызываемыми прерыванием пространственно-временной континуальности личности постольку, поскольку они приравнивают личность к тому или иному ментальному или материальному объекту.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные идеи и выводы, а также отдельные вопросы и сюжеты по теме диссертационного исследования обсуждались в ходе различных научных конференций и коллоквиумов. Среди них:

1. 2010, октябрь, Центр аналитической философии языка, СПбГУ. Выступление с докладом «Искусственный интеллект, коммуникация и китайская комната».
2. 2010, ноябрь, конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы», СПбГУ. Выступление с докладом «Мораль, общество и прагматика».
3. 2011, март, семинар «Проблемы современной онтологии», СПбГУ. Выступление с докладом «Онтология морали».
4. 2011, ноябрь, конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы», СПбГУ. Выступление с докладом «Моральная власть общества».
5. 2011, ноябрь, конференция «Рациональность и экзистенция», СПбГУ. Выступление с докладом «Рациональность морального действия».
6. 2012, март, конференция «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе», ИФ РАН. Выступление с докладом «Тест Тьюринга и креативность».
7. 2012, май, конференция «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России», СПбГУ. Выступление с пленарным докладом «Мораль в философии Дж. Сёрла».
8. 2012, июнь, коллоквиум «Философия сознания. Тождество личности, поток сознания, психофизическая проблема», СПбГУ. Выступление с докладом «Тождество личности: (не)носитель и/или (не)результат моральной ответственности?»

9. 2013, 26 апреля, конференция «Философия. Язык. Культура», Москва, НИУ ВШЭ. Выступление с пленарным докладом «Языковая компетенция как основание универсального этического требования».
10. 2013, 13 мая, международный симпозиум 'Philosophy and Contemporary International Law', СПбГУ. Выступление с докладом 'Succession and Moral Obligations'.
11. 2013, 25 мая, международная междисциплинарная конференция 'Naturalistic Approaches to Consciousness', СПбГУ. Выступление с докладом. 'Why Zombie could not be Free?'.

Диссертация обсуждена на кафедре онтологии и теории познания философского факультета СПбГУ и рекомендована к защите 26 сентября 2013 г., протокол № 2.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, содержащих 8 параграфов, заключения и списка литературы, включающего 179 наименований, в том числе 98 – на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 187 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её разработанности в современной науке. В нем содержится обзор зарубежной и отечественной литературы по теме диссертационного исследования, определены предмет, цели и задачи исследования, обозначены основные выводы, выносимые на защиту, отмечаются теоретико-методологические основания изучаемой проблематики, обосновывается научная новизна исследования, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации, перечисляются формы апробации работы и описывается структура диссертации.

В **первой главе «Метафизические основания концептуализации морали»** диссертант исследует вопрос о месте морали в структуре реальности. **Первый параграф «Соотношение морали и реальности»** начинается с рассуждения об

уместности метафизического анализа морали и о том, к какому разделу философии его можно было бы его отнести. Утверждается, что разработка метафизических оснований морали – это задача не только онтологии и эпистемологии, но также и метаэтики. Затем изучается тезис о существовании двух вариантов ответа на вопрос о том, как соотносится мораль и реальность. Такими ответами являются *метафизический моральный эксклюзивизм*, как представление о потусторонней природе морали, и *метафизический моральный инклюзивизм*, как представление о том, что мораль – это составной элемент единой реальности. Краткий историко-философский обзор, приведенный в параграфе, призван показать оригинальность предложенного деления и то, что оно не сводится ни к одному из принятых ранее в этике и метаэтике. На примере принципа Юма демонстрируется, как метафизический моральный инклюзивизм сужает горизонт исследовательских подходов к этическим проблемам.

Второй параграф «Концепция морали: от абсолютизма к локальным системам» был посвящен критике морального абсолютизма, его несовместимости с метафизическим моральным эксклюзивизмом и необходимости формулирования концепции *локальных моральных систем*. Моральный абсолютизм тесно взаимосвязан с вынесением основ этики за пределы физической реальности, то есть с тем, что в первом параграфе мы назвали метафизическим моральным эксклюзивизмом. Мораль можно рассматривать как часть мира, а можно и как некую трансцендентную ему сущность. И выносить за скобки реальности нечто одно гораздо проще и *prima facie* правдоподобней, нежели поступать так с неким комплексом отношений и стандартов оценки, которые будут опосредованно отвечать за разные элементы морального поведения. Основной упор в аргументации был сделан на то, чтобы показать бесперспективность морального абсолютизма и преимущества того, что можно назвать комплексным подходом к проблеме морали. Был предложен новый способ концептуализации многоаспектности феномена морали и критически проанализированы теоретические основания противоположной позиции. Для

этого во втором параграфе обсуждаются причины возникновения и сохранения морального абсолютизма как этической и метаэтической позиции, поддерживающей метафизический моральный эксклюзивизм. Утверждается, что упрощение и обеднение моральной проблематики тесно связано с её индивидуалистской интерпретацией, означающей, что принципы этического выбора субъекта могут быть адекватно изучены в отрыве от социального и естественноисторического контекста. В качестве способа преодоления абсолютизма и, соответственно, эксклюзивизма предлагается концепция локальных моральных систем, суть которой заключается в том, что не существует морали как единой сущности, есть лишь поток параллельных и не всегда коррелирующих между собой процессов. Выявлена направленность этих процессов на формирование разноуровневых социобиологических регулятивов поведения членов некоторой группы индивидуумов относительно существенных интересов друг друга и тех, чьё благополучие зависит от их деятельности.

Вторая глава «Моральный субъект и дистрибуция ответственности» посвящена онтологии субъекта как исполнителя моральных норм и носителя моральной ответственности. При всём содержательном многообразии моральных норм и способов их реализации они, тем не менее, непредставимы без носителей и бесполезны без исполнителей этих норм. Моральная система не может функционировать как заведённый извне механизм или же, как биологический процесс, реализуемый при помощи отдельных клеток. Зарождение моральной системы и её эволюция связаны с усложнением и автономизацией отдельных организмов, с тем, что их решения для других участников системы перестают быть заранее определенной константой, и потенциальные психологические реакции участников системы и их действия друг на друга также становятся предметом рационального прогнозирования. Иным словами, в отличие от устройства механизмов, работу моральной системы обеспечивают не безвольные шестеренки, но личности со своим кругом свободы и ответственности. Задача натуралистически ориентированного философа заключается в том, чтобы

объяснить онтологический статус этих личностей, не прибегая к понятиям метафизической свободы воли или субстанциальному дуализму, так как допущение последних открывает прямую дорогу к метафизическому моральному эксклюзивизму.

В первом параграфе «Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли» обсуждается вопрос о том, как можно сохранить категорию субъекта в физикалистской онтологии при условии отказа от постулирования метафизической свободы воли. Важность и значимость затронутой проблемы обосновывается через анализ роли понятия субъект в повседневном моральном дискурсе. Предложенный в параграфе ответ можно охарактеризовать как компатибилистский. Автор утверждает, что категория субъекта может быть выделена в порядке физического мира, если мы сможем указать на присущий только ей каузально эффективный признак, таким признаком объявляется интенциональность.

Во втором параграфе «Предварительные намерения и проблема заблудшей причинности» проблематизируется связь интенций субъекта с его действиями. Для всякой компатибилистской теории свободы воли, стоящей на позициях натурализма, сложность представляет совмещение пропозиционального содержания интенций с их конкретным каузальным воплощением. Дело в том, что наши намерения зачастую исполняются совсем не тем способом как мы того ожидаем, но при этом в итоге приводят к желаемым результатам и тогда встаёт вопрос о том, считать ли такое действие случайным или намеренным. Этот парадокс чрезвычайно важен для моральной оценки наших поступков. Компатибилистской теории свободы воли недостаточно уметь отличать действия субъекта в ряду событий естественной причинности, её концептуальный инструментарий также должен быть способен различать случайное действие и подлинно преднамеренное действие. Для того чтобы корректно выделять действия субъектов в потоке обезличенной причинности нам требуется теория, которая бы учитывала как предварительные намерения, так и способы их

реализации. Для решения этой задачи диссертант использует таксономию действия, предложенную Дж. Сёрлом, дополнив её пояснением того, как описание феноменологии действия может отличаться от описания его настоящих причин. Делается вывод о том, что компатибилистская теория представляет теоретические инструменты способные определить степень ответственности субъекта в случаях заблудшей причинности.

В третьем параграфе «Искусственный моральный субъект» исследуется вопрос о возможности создания искусственных участников моральных систем. Проект описания субъекта морального выбора как биологической системы, подчинённой физическим законам, приводит к вопросу о том, можно ли создать такой неорганический субъект. Если все события в мире детерминированы физическими законами, то нет оснований полагать, что невозможно сконструировать физическую систему, которая будет обладать теми же компетенциями, что и уже существующие системы. Можно ли создать такую машину, по отношению к которой было бы уместно испытывать возмущение, благодарность и которая была бы адекватным объектом наказания за аморальные поступки? В параграфе анализируются причины провала всех попыток построить программно-вычислительный комплекс способный стабильно проходить тест Тьюринга. Несмотря на грандиозный прогресс в области информационных технологий существующие компьютеры не в состоянии поддерживать с нами разговор. Обосновывается утверждение о том, что для диалога, как и для морального действия, необходимым условием выступает определенный уровень креативности, отсутствующий у имеющихся на сегодня вычислительных машин. Обсуждается специальный тест Лавлейс, предназначенный для выявления творческих способностей у компьютеров. Утверждается, что, во-первых, машина, не прошедшая тест Лавлейс, не сможет пройти и тест Тьюринга. Во-вторых, что без прохождения теста Лавлейс мы не можем считать машины участниками моральных систем и всегда сможем переложить ответственность за работу машины на её создателя или владельца.

Если в третьем параграфе исследовался вопрос о возможности создания искусственного морального агента, то **в четвертом параграфе «Личность как носитель моральной ответственности»** разбирается вопрос о том, что представляют собой агенты «естественные». Исходя из того, что минимальной единицей локальных моральных систем выступает личность человека, нужно выяснить, к какому классу существ можно отнести личности. В данном параграфе поднят вопрос о том, на какой вид объектов мы указываем, когда используем применительно к людям личные местоимения я, ты, он, она и имена собственные. Систематизируются наиболее известные теории тождества личности в соответствии с тем типом предметов, в зависимости от которого, согласно теории, находится тождество нашей личности. Демонстрируются затруднения, к которым приводят попытки приравнять ту сущность, которую мы называем «я» к таким понятиям, как сознание или организм. В конце параграфа рассматриваются перспективы изменения теории о метафизическом статусе понятия личность, а именно отнесения личности к классу модификаций предметов, и то, как такое решение соотносится с дистрибуцией моральной ответственности. Предложенный подход можно оценить как компромисс между менталистскими и материалистическими интерпретациями личности.

В третьей главе **«Социальная онтология и моральные нормы»** был исследован вопрос об онтологии моральных норм. Интерсубъективную систему взаимодействия можно назвать моральной системой только тогда, когда взаимодействие между членами сообщества регулируется нормами этики. Однако как возможны такие нормы в рамках реальности целиком и полностью подчиняющейся физическим законам? Подобный вопрос Дж. Сёрл разрабатывал в рамках проекта построения исчерпывающей социальной онтологии. Он спрашивал как в мире состоящим из «атомов и пустоты» могут существовать и быть значимыми такие феномены как политика, азартные игры, коктейльные вечеринки, дружба, деньги и т.п.? В главе мы показали, почему вопрос об онтологии моральных норм и онтологии общественных институтов это один и тот

же вопрос, и поэтому мораль может быть включена в социальную онтологию Сёрла без сколько-нибудь существенных изменений или дополнений последней.

Первый параграф «Метафизические основания общей теории социальной реальности» посвящен анализу метафизических предпосылок социальной онтологии и изложению её основных положений. Общая теория социальной реальности Сёрла призвана объяснить онтологический статус таких привычных явлений как деньги, спортивные состязания и политическая власть. Вкупе с постоянными обращениями к обыденным примерам и чрезвычайно ясным изложением материала книги Сёрла могут создать иллюзию, что перед нами классический лингвистический философ, который сводит все проблемы метафизики к неправильному употреблению языка. В параграфе мы разобрали, какие метафизические проблемы необходимо затрагивает в своем концептуальном развертывании общая теория социальной реальности. Для этого была реконструирована линия мысли, ведущая Сёрла от предельных философских оснований к главному положению и усовершенствованию общей теории социальной реальности – обоснованию центральной роли деклараций в создании социальной реальности.

Во **втором параграфе «Декларации статусных функции и моральная власть»** мы рассказали о том, как сам Сёрл включил этическую проблематику в свою философию, и выявили причины, по которым его подход противоречит как известной нам практике работы локальных моральных систем, так и его собственной философии. Была разобрана аргументация Дж. Сёрла в пользу того, что для каждого лингвистически компетентного субъекта существует логическое требование сильного альтруизма. Благодаря тому, что для обоснования моральных действий Сёрл обращается только к внутренним ресурсам субъекта, его подход сулит преодолеть разрыв между сущим и должным. Тем не менее, в условиях очевидной вариативности этических мотивов и эпистемологической закрытости логического требования, сильный альтруизм фактически не справляется с ролью главного и единственного основания нравственности. В

качестве альтернативы мы предложили считать, что роль основного этического регулятора могут исполнять декларативные статусные функции, которые согласно Сёрлу выступают базовыми строительными блоками социальной реальности. Обоснование того, что моральные нормы конституируются и функционируют при помощи принципиально схожих с другими общественными институтами механизмов, позволяет применять к ним те же объяснительные стратегии, что и при изучении остальных феноменов социальной реальности.

В заключении подводятся итоги научного исследования, и делаются вывод о том, что метафизический моральный инклюзивизм может быть основанием этических и метаэтических теорий. Рассматривается перспективы дальнейшего развития и детализации концепции локальных моральных систем.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Левин С.М.* Сёрл в Москве: фрагменты события // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2011. Т. 2. № 2. С. 246-251.
2. *Левин С.М.* Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Серла // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2011. Т. 2. № 3. С. 161-171.
3. *Левин С.М.* Всероссийская научная конференция «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 226-229.
4. *Левин С.М.* Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2013. Т. 2. № 2. С. 67-77.
5. *Левин С.М.* Мораль, метафизика и реальность // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 144-153.

6. *Левин С.М.* Сознание, организм и объективация личности // Эпистемология и философия науки. 2013. № 4. С. 104-117.

Работы, опубликованные в других изданиях:

1. *Левин С.М.* Общие принципы функционирования моральных систем // В кн.: Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2010. С. 1-5.
2. *Левин С.М.* Рациональность морального действия // В кн.: Рациональность и экзистенция. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2011. С. 58-61.
3. *Левин С.М.* Моральная власть общества // В кн.: Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы. Сборник статей. 2011. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2011. С. 90-95.
4. *Левин С.М.* Мораль в философии Дж. Сёрла // В кн.: Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2012. С. 41-45.
5. *Левин С.М.* Зомби-субъект и свобода воли // Натуралистические концепции сознания. Материалы конференции. СПб. 2013. С.32-35.
6. *Левин С.М.* Тест Тьюринга и креативность // В кн.: Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / Отв. ред.: В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2013. С. 183-191.
7. *Левин С.М.* Языковая компетенция субъекта и логическое требование сильного альтруизма // Философия. Язык. Культура (Вып. 4). / Отв. ред.: В.В. Горбатов. СПб.: Алетейя, 2013. С. 135-144.
8. *Левин С.М.* Концепция морали: от абсолютизма к локальным системам // Вестник СПбГУ. Серия 17. 2014. №1. С. 27-36.